

Виталий Агафонов

Белый танец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18796735

Аннотация

В этой повести рассказывается про отношение между юношей и девушкой, которые оказываются в сложной жизненной ситуации.

Что случилось?

Я очнулся от яркого света. Посмотрел и сразу же зажмурился. В глазах, остались яркие круги. Две фары, словно горящие зрачки какого-то чудища

слепили, не давали возможность взглянуть. Они, пробивая сумрак, дымящегося утра, словно раздевали и прожигали меня насквозь. По телу пробежала дрожь.

«Откуда огни? Что там за светом? Что-то угрожающее? Кто мешает спать?

Какая нечисть вторгается в мои покои? Чего надо?»

Сильно болела голова. Она гудела, трещала по всем швам. Ощущение, что

на темень положили пудовую гирию и теперь, она, оказывает давление всем

своим весом, выдавливая затылок. Височные кости, не желая отставать от

макушки, вместе с черепными костями, ближе к ушам, вбивались внутрь мозга.

Я не мог сосредоточиться. Словно внутри головы поселился маленький кузнец,

и неустанно, в унисон с сердцем, колотит по темени, забивая гвоздь к

основанию черепа. Возможно он же, пока я спал, вбил множество маленьких

иголок в шею. Из-за этого невозможно пошевелить головой. Любое движение даётся с болью.

«Какого чёрта!..» промелькнуло в голове.

Вдруг чётко почувствовал, обжигающую боль на лице. Словно ледяной панцирь стянулся на щеках, на носу, и теперь бесцеремонно мучает меня.

Захотелось содрать эту маску. Но пальцы наткнулись на что-то неровное и твёрдое. При прикосновении ощутил более сильную боль. Стало тяжело дышать. В горле першило. Холодный, влажный воздух,

втягиваемый в полость рта, с трудом проходил во внутрь, вызывая кашель. Там, натываясь на всевозможные препятствия, со свистом, пробирался дальше.

Лёгким не хватало кислорода. Верхняя часть груди была сдавлена, словно, большим прессом. Я усиленно вдыхал, не сдаваясь тяжёлому грузу. Меня знобило.

Спутанное сознание требовало ответов. Постоянно задавало вопросы:

«Что происходит вокруг? Кто я? Откуда этот свет? Что я делал?»

Я, как маленький ребёнок, не понимая, что делать, цеплялся за звуки, за слова, которые улавливал мой слух.

Вдруг словно молнией пролетели в голове картины из жизни, сцены прошедшего вечера: клуб, дорога, Светка, мотоцикл: «Всё было хорошо. А теперь? Что же произошло теперь?» Уже стараясь не смотреть на источники света, медленно открыл глаза. Мысли тут же исчезли, они растворились в картины августовского предрассветного часа.

За горизонтом простирались сумерки. На небе висели тяжёлые, грозовые облака. Они, своими, свинцово-серыми массами беспросветно отсекали необъятную даль, звёзды, солнечные лучи, луну. Самая огромная туча зловеще зависла над головой. Как будто пиратский корабль, растеряв свои паруса, получив пробоину в сражении, зацепился за верхушку дерева. Завис над нами и не может идти дальше. Висит чёрной тенью, медленно под напором веса, спускается по кронам, к корням дерева. Всё ближе и ближе приближаясь к

земле. Там за ним яркое солнце, голубой простор, небесная ширь, там жизнь. А

мы, находимся на дне, под кораблём, медленно ожидаем своей участи. От такой

картины возникает внутреннее чувство безысходности, беспросветности. Но у

нас есть маленький пяточок прозрачного пространства. У нас ещё есть надежда,

что выживем и увидим яркий свет. Вот только надо что-то сделать. Но что?

Впереди, около метра от меня лежал бетонный столб, направленный по

диагонали слева на право. Серо-белая полоса ни как не вписывалась в это

пространство мрачного подвального интерьера. Видно забытый электриками,

он, доживал свой столбовой век в одиночестве, так и не применённый по

назначению. «А ведь я похож на тебя! – вдруг поймал себя на мысли, – точно так

же валяюсь здесь!»

Я отвёл взгляд и увидел что-то белое. Пригляделся. По левую руку,

невдалеке от меня, валялся искореженный, мотоциклетный шлем. Он смялся,

как вареное яйцо, которое уронили на пол одним боком,

и было испещрено

осколками разных калибров. Только ободок на шлеме не давал рассыпаться

растрескавшимся кускам когда-то красивой белой каски. Длинного, большого

козырька, как такого не было, остались лишь заклёпки и обломленные края

пластмассы. Коричневая, кожаная полоса натянутая по-верх, теперь выглядела,

как небрежно брошенная скомканная тряпка, лежащая на этих обломках, и

зажатая с двух сторон. Я всегда одевал именно эту каску. Она мне нравилась

своей оригинальностью. Теперь, возможно, спасла жизнь. Моё тело находилось в полулежащем положении на неров-

ной земле. Одно

плечо опиралось обо что-то мягкое, другое об твёрдый бу-горок. Это доставляло

мне неудобство, периодически напоминая о себе, давящей болью под лопаткой.

Стараясь не причинять себе лишний раз боль, посмотрел осторожно в

другую сторону. На обочине дороги стояли машины, во-круг суетились люди.

Ближе всех стояла «скорая помощь». Двое доставали но-силки. Полноватая

женщина, средних лет, в белом халате, накинув на себя куртку тёмного цвета,

держа в руках медицинскую сумочку, в свете фар, направилась в мою сторону.

Опустив голову, смотрела под ноги. Она шла, ощущение, что меня совсем не

замечает, идёт себе, занятая своими мыслями.

Чуть в сторонке, за её спиной, в метрах пяти от меня, один из

милиционеров, катил, мой мотоцикл к «буханке». Я стал разглядывать свою

технику, но в предутренней мгле, так и не увидел никаких признаков

повреждений. Скорее всего, «Восход» исправен. Куда же он его катит? Задние

двери машины неожиданно, резко отворились в разные стороны. Второй

милиционер, выскочив, пошёл к нему на встречу. Потом, они вместе, стали

загружать вовнутрь.

Рядом с «буханкой», чуть дальше, стоял милицейский УАЗ-ик, с красно-

синим проблесковым маячком. Он вызывающе, грозно мигал освещая

близстоящие кусты. Вид, как на дискотеке, только вот танцующих и музыки не

было. Я усмехнулся.

Два человека в милицейской форме, подойдя откуда-то со стороны,

наклонились, с тревожными лицами, посмотрели на меня.

Ближний ко мне

держал в одной руке ватку, в другой пузырьёк с прозрачной жидкостью.

Возможно, это нашатырный спирт. Увидев мой взгляд, повернув голову, в

сторону машины скорой помощи, и закричал:

«Он очнулся. Где врач? Идите сюда скорее!»

«Какой врач? Мне не нужно никакого врача! Сейчас встану и сам пойду! –

с такими мыслями, согнув одну ногу в колене, упираясь пяткой и руками об

землю, напрягая мышцы, резко пытаюсь встать. Вытягиваю голову вперёд, меня

пронзает острая боль. Чувствую, как голова опрокидывается назад, руки

сгибаются в локтях, мне становится легко и приятно, исчезает боль, сознание

покидает тело. Только отдаляющийся голос: «Эй, ты куда-а-а?..»

В травматологии

Сначала где-то далеко, потом ближе, ближе, отчётливее просыпаются

незнакомые звуки. Они начинают приобретать какой-то смысл. Сознание избирательно улавливает близкие источники: чьё-то дыхание, мягкие шаги, шуршание одежды, стук и лязг крутящихся колёс. Тихонечко, щурясь, открываю глаза. Снова свет! Этот свет не такой яркий, он приятнее! Коридорные лампы, выходя из-за головы, светя своими люминесцентными огнями, уходят к ногам и там исчезают. Они притягивают к себе. Куда меня везут? Где я? Оглядываюсь по сторонам. Вижу двух медсестёр, одетых в светло-синие костюмы, на головах невысокие чепчики. Одна, толкает носилки перед собой, другая, идёт рядышком, держась одной рукой. Надо мной разгорячённые женские лица. Осматриваю девушку идущую рядом. Интересно, сколько ей лет, 20, может чуть старше? Скорей всего везут на операцию. Неужели всё так плохо? Что могло произойти? Но мои мысли были оборваны. Одна из медсестёр, которую я разглядывал, увидев открытые глаза, улыбнувшись, нежным бархатистым голосом сказала вто-

рой:

– Глянь-ка, очнулся!

– Скажите, а где девушка, которая ехала со мной? – вдруг вспомнив,

спросил я, чьим-то, чужим хрипящим, сирым, голосом.

– Не было никакой девушки! – сказала всё та же медсестра, вскинув

молнией, свои чёрные брови вверх, при этом виновато опустила глаза.

«Как же так? Куда она могла деться? Она же была со мной!» – подумал я.

– Её зовут Алимова Света! – сказал вслух, вглядываясь с надеждой в лицо

брюнетки.

– Да! Припоминаю! Девушка с такой фамилией поступила к нам, но ещё в

полночь, с ушибом колена. С ней всё нормально! Не волнуйтесь! – снова, как бы

вспоминая, смешно морща лоб, и поддакивая мне, ответила та же медсестра,

при этом смущённо улыбнулась.

– Значит с ней всё в порядке!.. – проговорил я, сделав глубокий выдох.

Снова лёгкая воздушная волна, подхватив, подняла меня куда-то. Слабое

сознание, удовлетворённое таким ответом, покинуло те-

ло, словно вышло вместе
с воздухом наружу...

Потом, как в туманной дымке, где-то там далеко, слышались лязг

медицинских инструментов, разговоры людей, которые что-то делали вокруг

меня, поворачивали тело, казалось, это никогда не кончится. Далее снова

пропасть...

Сознание медленно приходит ко мне.

«Как долго я лежу? Кто я? Что это белое надо мной? Потолок? Сколько

времени? Где я? Почему один? Мне пора ехать в училище!»

Сначала долго смотрю вверх, не шевелясь, не понимая. Пытаюсь

подняться с постели, но почему-то голова оказывается очень тяжёлой, что даже

не могу оторвать от подушки. Такое положение меня не устраивает.

«Надо кого-то позвать!» – подумал я,

«Кто здесь! Люди!» – сказал, не слыша себя.

«Наверно онемели губы!»

Пытаюсь шевелить губами. С горем пополам, что-то, начинает получаться.

Чувствую на лице маску. Поднимаю руку, но рука не под-

нимается.

«Где мои руки?»

С опаской смотрю на них. Они спокойно лежат вдоль туловища. Пытаюсь

поднять, но они не поднимаются.

«Такого не может быть! Если они на месте, значит, должны работать!»

Пытаюсь подчинить себе свои руки. Не знаю, сколько пошло времени:

минута, час, сутки – для меня время не имеет никакого значения.

«Нужно подчинить себе руки! Мне нужны мои руки!»

Всеми силами стараюсь выполнить эту задачу. Бесполезные попытки

сильно утомляют. В какое-то мгновение забываюсь, возможно, засыпаю, может

даже, теряю сознание. Всё кажется очень отдалённым, правда не понимаю, что

скрывается за этой далью. Очнувшись, снова и снова повторяю свои попытки.

Вскоре руки, мои ватные, немеющие руки, подчиняются мне. Перебарывая боль

воткнутых маленьких иголок, которые мешают моим движениям, всё же

начинаю двигаться. Медленно, одолевая боль, подняв сначала левую, потом

правую руку, ощущаю некоторое облегчение. Схватившись, рука об руку

разминаю пальцы, кисти, суставы. Кажется, что я один во всей вселенной,

вокруг никого нет, только потолок и руки. Не успеваю насладиться своей

победой, как будто из засады, выждав подходящий момент, на меня, бросаются другие грани этой боли.

Ноющая боль от основания черепа уходит вовнутрь головы. В висках

стучат молотобойцы, передразниваясь с животом. Лицо горит. Я окончательно просыпаюсь.

Тихонечко, стараясь не причинять себе боль, начинаю осматриваться. Я

лежу на кровати. Ночь. В палате горит дежурное освещение. Вокруг спят люди.

Кто-то стонет, на нескольких койках лежат люди в гипсе: один с перевязанной

рукой, два человека с перевязанными ногами. За ними мужчина, примерно лет

тридцати, без бинтов. У лежащего около меня нет левой ноги, чуть выше стопы.

Перевязанная голень высовывается из-под смятого одеяла. На том месте, где

стопа соединяется с голенью, белеют бинты. Наверное,
ему недавно сделали
операцию, через белую марлю просочилось немного кро-
ви. Около его кровати
стоят костыли, упёршись об тумбочку, тихонечко ждут
своего хозяина. Костыли
с отлетевшими в некоторых местах краской и перевязан-
ными бинтами на
поручнях выглядят пугающе. Да, в прошлом, наверное,
много людей опиралось
об эти железные ногозаменители. А вот теперь будут по-
могать ему. Кто они, эти
первые хозяева, живы ли? Этот мужчина спит на спине,
на половину лысая
голова опрокинута назад, так, что маленькая подушка
придавлена шеей.
Моя кровать стоит у самых дверей. Что со мной? Почему
я лежу среди
них? Внимательно исследую своё тело. Ноги целы. Пощу-
пав лицо руками,
обнаруживаю следы запёкшейся крови. Царапины на но-
су, на щеках, на
подбородке. Так же на животе полосы сверху вниз, как
будто меня прокатали по
утыканной дощечке, торчащими из него гвоздями. Кроме
царапин всё остальное

на месте. Это самое главное.

Что же было?

Пролежав некоторое время, перед глазами начинают всплывать образы из

жизни. И чем дольше лежу, тем отчётливее становятся картины,

выстраивающиеся с обратной хронологией. С чего же всё началось?

Училище

Отслужив срочную службу полтора года, в боевых частях, после

собеседования с командиром подразделения, тебя рекомендуют в военное

училище. Наконец-то сбывается мечта, пожелания и напутствие твоего отца.

Сдаёшь вступительные экзамены, едешь в училище через всю страну. Тебя

оформляют и вот ты курсант.

На плечах погоны сержанта, должность старшины курса. За это время, из

простого сержанта превращаешься командира, на совести которого сто тридцать

семь курсантов. С первых дней назначения на должность, берёшься за работу по

укреплению воинской дисциплины, решаешь вопросы по взаимоотношениям

друг с другом, борешься за успеваемость. Ты знаешь, что такое служба и

можешь научить любого. А они, всего лишь, вчерашние школьники, которые

начитались книжек и наполнены романтикой армейской жизни. Ты, такой же

курсант, такой же слушатель, как и они, тебе тоже надо постигать науку ведения

боя, как и им. Но на твоих плечах, по мимо этого, ответственность, за порядок и

дисциплину в подразделении, и самое главное за взаимоотношение.

Самое трудное это взаимоотношения на курсе. В первое полугодие

происходит притирка, складываются взаимосвязь с каждым. Первым делом

создаёшь для себя костяк, на который в дальнейшем можно будет положиться.

Это нормальные ребята, понимающие и поддерживающие тебя. И они с

радостью принимают твоё предложение. Теперь начинается работа. В

дальнейшем, исходя из ситуации, подбадриваешь неуверенных, чтобы они

чувствовали себя уверено. Осекаешь наглых, считающих себя лучше тебя.

Ставишь на место особо зарвавшихся, которые, будучи
военнослужащими,
поступили в училище, как и ты. Ихняя неуравновешен-
ность, самоуверенность,
демонстрация своей опытности, перед поступившими со
школьной скамьи,
могут привести к плачевным результатам. Это тебе хоро-
шо знакомо. Проводишь
работу с сержантами, которые пытаются своевольничать.
Так же приходится
регулировать некоторые вопросы с начальниками, пытаю-
щиеся как-то
принизить заслуги курса. Вместе с сержантами курса,
строишь отношения с
преподавателями. В этом, главном, тебе удаётся выпол-
нить задачу. Притирку,
курс проходит успешно.
И при выпуске, когда вы обменивались своими фото, к
тебе подойдет ещё
не один бывший подчинённый с благодарностью. И пода-
рив свою фотокарточку
на память, подпишет: «Лучшему другу и командиру
от...». Не это ли знак
высшей благодарности для командира от своих подчинён-
ных.
Но это буде потом. А пока за спиной полгода учёбы со

всей своей

разносторонностью жизненных ситуаций. Чтобы зря не
терять время у

билетных касс, вам централизованно, заранее купили би-
леты на самолёт. Сдав

экзамены первого семестра, после сессии, вас отпускают,
на каникулы, на две

недели домой. Первый раз, выходя через КПП, с малень-
ким чёрным

чемоданчиком, один, не отвечая ни за кого, проходишь к
остановке. Входишь в

распахнутые двери автобуса, и он медленно начинает
ползти в аэропорт. После

часового ожидания, наконец-то, садишься в самолёт и в
буквальном смысле

летишь на Родину.

Домой

Прилетев до пункта назначения, с аэропорта, сразу же
едешь на

железнодорожный вокзал, берёшь билет на первый про-
ходящий поезд. И вот,

снова мчишься всё ближе и ближе к родным краям. Колё-
са, будто разгадав

мысли, в унисон с твоим сердцем, отстукивают об стыки
рельсов: «До-мой! До-

мой! До-мой, До-мой!» Непреодолимая сила тянет тебя в

родные пенаты, где
проходило детство, где живут твои близкие, родные.
Смотришь на часы, смеряешься с расписанием, который
висит у
проводницы, прикидывая в уме, не опаздывает ли поезд.
Как хочется поскорее
оказаться дома. Но время, не обращая внимания на твоё
нетерпение, идёт
ровным шагом. Главное идёт!
Вот, остаётся совсем немного до прибытия. Уже на под-
ходе
просматриваешь даль, на то место, где должны появиться
очертания родного
города. И, увидев, вглядываешься в линии домов, стара-
ешься найти что-то новое
среди этих строений. Увидев знакомые корпуса, обурева-
ют воспоминания,
моменты из прошлой жизни. Осматривая внешний вид,
наслаждаешься, словно
разглядываешь самое прекрасное полотно, созданное ге-
ниальным художником,
и в какой-то степени это действительно так.
Боже мой! Тебя не было дома почти два года, как это ка-
жется долго, как
много может измениться за это время. И самое главное то,
что очень сильно

изменился ты сам. Как там живут родители? Поезд медленно останавливается
на перроне вокзала. Проводница открывает двери после полной остановки,
улыбаясь, провожает тебя взглядом.
И вот этот волнующий момент: выходишь из вагона пассажирского поезда
и вступаешь на родную землю.
Перрон – это узел, связывающий длинные ленты полосатых путей. Это
место, откуда начинаются странствия, или завершаются дороги. Это место, где
пассажиры исчезают в утробе поездов, похожих на зелёных змей. И возможно
никогда больше не появятся здесь. Или же наоборот, счастливики, появляются
с сумками и чемоданами, спеша покинуть это место. Проходя вдоль путей,
ныряют внутрь вокзала.
У вокзалов своя, особая жизнь, отличительная от всех других строений.
Внутри всё по-другому. Это место ожидания. Одни ожидают свой поезд, чтоб
уехать, или встретить. Другие стоят в бесконечных очередях. Третьи изучают
расписание. Четвёртым просто нравится встречать и про-

вожать поезда. И как

исключение, есть и те, кто, не останавливаясь, проходит через проходные

вокзала. Любой вокзал является ещё границей, воротами, где начинается город.

Проходя через неё, попадаешь совершенно в другой мир.

Ты, со всеми вместе, так же проходишь, спустившись по лестнице.

Остановившись на минутку, жадно вдыхаешь воздух, улавливая ароматы

присущие только этому городу. Не знаю почему, но у каждого города есть свой

индивидуальный запах, и этот запах несравним, ни с каким другим городом.

Есть у всех и одно обобщающее свойство: для каждого свой город пахнет

Родиной. Выйдя на улицу, озираешься вокруг в надежде увидеть знакомое лицо.

Это твой город, который живёт своей жизнью, жил без тебя. Теперь ты тут.

Замечаешь, что эти лица, снующие перед тобой, совершенно другие, не такие,

какие ты видишь там, где учишься, они роднее. Идёшь на автовокзал, берёшь

билет. Некоторое время, подождав, садишься в автобус, едешь по родным

местам.

Вы, с пассажирами, выезжаете из города и утопаете в гуще белого леса.

Словно в сказке вокруг белым бело, не видно ни одной, даже маленькой чёрной

точки. Деревья сонно встречают проходящие машины и даже не знают, что ты

едешь на Родину. Мотор, ровно урчит, вырабатывая тепло в кабину. Колёса

скрипят по гладкому, утопанному снегу. Стёкла застыли красивыми узорами от

мороза. ПАЗ-ик бодренько проходит луга и поля, спускается под уклон,

поднимается на холмы, проезжает равнинные места, заезжает в знакомые

деревни и останавливается на остановках. Открываются двери, выходят

пассажиры, заходят новые попутчики, с разруганными лицами от мороза.

Кого-то узнаёшь, кого-то нет, радуешься знакомым лицам, перекидываешься

несколькими словами, рассказывая о себе, спрашиваешь новости. Но это не

самое главное. Главное то, что ты на Родине и этим сказано всё.

Ждёт ли тебя здесь кто-нибудь? Конечно же, уже давно

ждут. Престарелые

родители, каждый раз, выходят, или выглядывают в окно, при подъезде автобуса

к остановке, в надежде, что появишься ты и издалека помашешь рукой. Но тебя

нет и нет. Они, молча, отворачиваются, возвращаются к своим обыденным

делам. Или же, мама скажет что-нибудь про тебя отцу и задумчиво начнёт

выполнять свою работу. Ожидание родителей наконец-то оправдается, будет

именно так, как ты мечтал.

Ещё с вершины холма Лаба, перед речкой, (деревня в полутора

километрах), снова вглядываешься вдаль, где виднеются строения, и среди них

ищешь родимый домом. Когда находишь, сердце начинает всё сильнее и сильнее

стучаться, к горлу подкатывает ком, ком радости и восторга. Чем ближе, тем

сильнее.

Но деревня исчезает за деревьями, автобус, спустившись с холма, заезжает

на мостик. Сквозь обледенелое стекло окна, всматриваешься на речку, в которой

раньше, постоянно ловил рыбу. Теперь, усыпанная снегом

река, спит спокойным

сном, не показывая своих вод, и даже не знает, что ты едешь домой. Раньше, в

такое время года, тебя всегда волновал вопрос: «Что делает рыба в это время,

когда всё покрыто льдом и снегом?» И вот, снова эта мысль. Улыбаешься про

себя, на душе становится приятно от этих воспоминаний.

Снова кидаешь свои

взоры на речку. Белым бело. Только поверхность, как извилистая дорога, выдаёт

своё присутствие.

Рейсовый автобус поднимается на противоположный холм, за которым

расположилась твоя деревня. Теперь с вершины хорошо виднеются строения. И

дорога, тянущаяся белой полосой с высокими бордюрами снежных комьев,

ныряющая вглубь деревенского ландшафта, радостно зывает за собой. Вот он,

среди сетей бесчисленных дорог, среди перекрёстков различных направлений,

конечный пункт, твоего путешествия – порог родительского дома.

Для чего люди едут на Родину? Наверное, чтоб увидеть знакомые лица,

обнять родных, воссоединиться со своими корнями, отдохнуть от повседневной суеты, разобраться со своими мыслями, получить эмоциональный заряд. И ещё, что-то очень важное. Важное, для тебя, для твоей души, которое не объяснить простыми словами. Необходимость, хотя бы немножко побыть вместе с близкими людьми, набраться сил от родной земли, которая вспоила, вскормила и взрастила тебя. И отправила в дальний путь, по ратному пути защиты и сохранения мира для твоего народа. И лично, сугубо для себя, отчитаться перед своей совестью, подвести итоги, за пройденный путь, набраться уверенности, для дальнейших своих свершений во имя и ради его благополучия. Вот что такое Родина в хорошем смысле этого слова. Наконец-то автобус заезжает в деревню, останавливается около клуба. Ты, оглядываешься по сторонам, смотришь на дома твоих односельчан, выходишь и почти бегом идёшь домой, нужно пройти ещё эти триста метров. Родители, увидев тебя, выходят и тоже, чуть ли не бегом

идут на встречу.

Ты машешь рукой! Бурная встреча! Долго обнимаешь сначала мать, потом отца.

Не верится, что наконец-то дома. Обращаешь внимание на то, что мама за это

время постарела и поседела сильнее. На лице появилось ещё больше морщин.

Отец стал, как будто меньше ростом и похудел. Всё так же стоит, улыбается,

только на глазах проступают блёстками слезинки. Снова не выдерживаешь и

обнимаешь их. Любимый пёс Жокки (кавказская овчарка) сначала грозно лает,

но, подойдя поближе, вдруг узнаёт и дружелюбно машет хвостом. Удивительно,

что до сих пор он тебя не забыл. Подходишь к нему, треплешь его за ушами. А

собака, встав на задние лапы, положив свои передние тебе на грудь, в ответ,

начинает облизывать и скулить, будто бы спрашивая:

«Где тебя так долго носило? Я уже давно соскучился и поджидаю!»

Побыв немного дома с родителями, переодевшись во всё домашнее,

выходишь во двор. Оглядываясь, вокруг замечаешь, что за время твоего

отсутствия ничего не изменилось. Кажется, что даже небрежно воткнутая палка, торчащая из снега, выглядывает с того самого момента, когда ты его сам там оставил. Теперь обходя хозяйство, натыкаешься на знакомые вещи, с которыми прошло детство.

Вдруг шквалом навевают воспоминания. Почти два года тому назад, в середине апреля, отсюда всей деревней тебя провожали в армию. Ты уходил и не

знал, что будет в дальнейшем и как сложится жизнь. И вот, снова здесь. Почему-

то возвращаясь в родимые края, мы всегда лучше всего помним последние часы

прощания. Теперь сидя за столом, на этом же стуле, ты в плену своего

прошлого. Картины всплывают одна за другой, и ты снова переживаешь.

У народа есть красивый обычай: всем призывникам, вешать на шею белое

полотенце. Полотенце, как символ чистоты, чести и достоинства, что бы

призывник служил и оправдал доверье своего народа. Отслужив, вернулся на

Родину живым и здоровым. Вместе с тобой провожающие

сидели за этим

столом, давали напутствие, наказ, говорили пожелания.

Тогда отец сказал:

– Служи сынок, я верю в тебя! Захочешь, остаться на сверхсрочную

службу, оставайся! Я тебя благословляю на ратный труд!

– Отец и мать, односельчане, не волнуйтесь за меня, я свято буду

выполнять Ваш наказ и не подведу! – сказал ты громко, чтоб слышали все.

Мать дала тебе пожевать свежеиспечённый, своими руками, хлеб с маслом

и сказала:

– На, сынок, поешь родного хлебушка с маслом! Половину съешь,

остальное отдай мне! Докушаешь, когда вернёшься из армии! Помни этот вкус!

Отец дал тебе рюмку спиртного и сказал:

– На, сынок, отпей половинку, остальное оставь! Допьёшь, когда

вернёшься со службы! Не забывай дорогу назад!»

Родные братья, обняв, сказали:

– Мы своё отслужили! Теперь пришёл твой черёд! Служи брат! Не

замыкайся в себе! Вокруг такие же люди! Помни наши руки, что лежат сейчас у

тебя на плечах! Мы всегда с тобой! Наше братство свято!
Потом, в трудные минуты, часто вспоминал руки братьев.

По сей день,

осталось это чувство, чувство братства, которое помогало
всегда. И теперь,

когда приехал домой на побывку, можешь с гордостью
сказать, что наказ своего

народа выполнил, не осрамил себя. И будешь в дальней-
шем выполнять так же.

Вечером приходят гости, ты их усаживаешь за стол и уго-
щаешь в

обязательном порядке традиционно пельменями. У наро-
да пельмени являются

национальным блюдом.

Если вдаваться в подробности, то пельмени имеют свою
легенду

уходящую глубоко в стародавние времена. Слово «пель-
мень» с перевода коми-

пермяцкого языка на русский обозначает – «пель» – ухо,
«мень» – хлеб, хлебное

ухо, но это дословный перевод. У финно-угорских племён
были языческие боги,

которые помогали простым людям жить и трудиться. Бо-
ги-Пели отвечали, один

за охоту, другой за земледелие, третий за дожди, (К
примеру, Войпель – бог

покровитель охотников и воинов). У древних людей основной пищей были мясо, и хлеб, выращенный своими руками. Чтобы задобрить богов, люди, из основных продуктов питания готовили пищу богам, и угощали своих покровителей, как бы делясь со своим столом, оказывая знаки уважения. Поэтому слово пельмень переводится, как: «божественная пища», «пища богов», «пища для богов».

Угощая пельменями, оказываешь почтение, уважение гостям, которые пришли к

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.